

Формирование коммуникативных навыков студенческой молодежи в цифровом пространстве

Анна Александровна Бурашникова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия, burashnikova-aa@ranepa.ru

Аннотация. Цифровое пространство представляет собой активно развивающуюся область социальной реальности, влияние которой на современного человека настолько широко и разнообразно, что с трудом поддается не только прогнозированию, но и описанию. Особый интерес представляет эффект влияния цифрового пространства на молодежь, в частности, на молодежь студенческую как социальную группу, одновременно находящуюся под влиянием одного из наиболее инерционных социальных институтов – института образования и интегрированную в цифровое пространство практически с момента рождения. Глубина этой интеграции позволяет говорить о формировании зависимости студенческой молодежи от цифрового пространства. В работе представлены результаты нескольких исследований (online-опросы), проведенных в 2022 г. и направленных на определение степени зависимости молодежи от цифрового пространства и, в частности, от цифровой коммуникации. Респондентами выступили студенты гуманитарных специальностей очной формы обучения. Также в работе описаны основные признаки цифровой зависимости и степень их проявленности у студентов. К числу основных признаков зависимости от цифрового пространства отнесены: частота обращения к цифровому пространству, продолжительность взаимодействия с цифровым пространством, глубина эмоциональных связей. В качестве дополнительного признака была рассмотрена деградация коммуникативной личности субъекта. Исходя из представленных данных, автор делает вывод о том, что природа цифровой зависимости студенческой молодежи носит скорее декларативный характер, в силу нерелексивного согласия студентов с приписываемыми им признаками цифровой зависимости, в то время как зависимостью, более старшее поколение, склонно называть сильную степень включенности молодежи в цифровые коммуникативные процессы. На основании представленных данных дана характеристика коммуникативной модели современно студента, даны рекомендации по выстраиванию образовательного процесса, направленные на развитие комплексной коммуникативно-цифровой компетентности будущего специалиста.

Ключевые слова: цифровое пространство, студенческая молодежь, цифровая зависимость, цифровая компетентность, коммуникативные процессы, образовательный процесс

Для цитирования: Бурашникова А. А. Формирование коммуникативных навыков студенческой молодежи в цифровом пространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 245–260. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-245-260>. EDN LPQGAJ

Formation of communication skills of students in the digital space

Anna A. Burashnikova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
burashnikova-aa@ranepa.ru

Abstract. The digital space is an actively developing area of social reality, the impact of which on modern man is so wide and diverse that it is difficult not only to predict, but also to describe. Of particular interest is the degree of influence of the digital space on young people, in particular on student youth, as a social group that is simultaneously influenced by one of the most inertial social institutions – the Institute of Education and integrated into the digital space almost from the moment of birth. The depth of this integration allows us to talk about the formation of the dependence of student youth on the digital space. The paper presents the results of several studies (online surveys) conducted in 2022 and aimed at identifying the degree of dependence of young people on the digital space and, in particular, on digital communication. The respondents were full-time students of humanities. The paper also describes the main markers of digital addiction and the degree of their manifestation in students. The main markers of dependence on digital space include: the frequency of access to digital space, the duration of interaction with digital space, and the depth of emotional connections. Degradation of the subject's communicative personality was considered as an additional marker. Based on the presented data, the author concludes that the nature of the digital dependence of student youth is rather declarative, due to the non-reflexive agreement of students with the signs of digital dependence attributed to them, while the older generation tends to call addiction a strong degree of youth involvement in digital communication processes. Based on the presented data, the characteristic of the modern student's communicative model is given, recommendations are given on building the educational process aimed at developing the complex communicative and digital competence of the future specialist.

Keywords: digital space, student youth, digital addiction, digital competence, communication processes, educational process

For citation: Burashnikova A. A. Formation of communication skills of students in the digital space. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(4):245–260 (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-4-245-260>. EDN LPQGAJ

Введение

Цифровое пространство (киберпространство) представляет собой активно развивающуюся область социальной реальности, влияние которой на общее жизненное пространство современного человека столь велико, что не может сравниться с результатами более ранних технологических прорывов и революций. Именно этим объясняется высокий интерес специалистов из различных областей знания (социология, философия, психология, юриспруденция и проч.) к феномену цифровизации. Особое внимание при этом необходимо уделить и тому факту, что все эти «глобальные изменения» стали возможны и произошли в период времени, равный смене всего двух поколений [1]. Если в середине 80-х годов XX века на страницах научно-фантастических книг только появились фантастические рассуждения о некой технологически опосредованной среде «чувственных галлюцинаций, испытываемых ежедневно миллиардами операторов всех наций, в том числе и детей, изучающих математические науки... Немыслимая сложность. ...скопления и созвездия информации» [2, с. 27], то в начале 20-х годов XXI века человечество в полной мере испытало на себе последствия интеграции цифровых технологий в свое жизненное пространство.

Активное развитие цифрового пространства, сначала как теоретического допущения, а затем и как объективной реальности протекает одновременно с широким распространением сетевых цифровых технологий. Сетевое по своей логике развития общество порождает новые пространственные процессы и формы. Цифровое пространство становится глобальной игровой комнатой, в которой возможна реализация бесконечного количества экспериментов с социальными и коммуникативными форматами взаимодействия людей и технологий.

Коммуникация в цифровом пространстве

Коммуникация в цифровом пространстве является объектом пристального внимания представителей различных наук и научных течений [3,4], от социологии и психологии, до языкознания и семиотики культуры. Само возникновение цифровых технологий, которое привело к созданию и развитию глобальных инфо-коммуникативных сетей, является одним из наиболее значимых результатов социального прогресса. Особо необходимо оговорить, что сведение коммуникации в киберпространстве сугубо к технологическим формам [5,6] было бы упрощением именно потому, что в основе цифровых технологий лежат социальные предпосылки. Однако нельзя также игнорировать комплексные изменения социальных практик, происходящие опережающими темпами под влиянием технологических решений. Цифровая коммуникация не только изменяет информационное пространство, развитие телекоммуникационных технологий привело к возникновению новой компьютерно-опосредованной формы коммуникации, кардинально изменившей характер глобальных информационных потоков. Из феномена сугубо гуманитарного знания коммуникация становится явлением социально-технологическим, что ставит исследовательский вопрос о степени влияния и предсказуемости последствий этого влияния традиционные практики взаимодействия между людьми [7, с. 6]. Система цифровых коммуникаций способствует формированию новой среды обитания человека – пограничной зоны, в которой осуществляется мягкий переход пользователей из объективной реальности в реальность виртуальную и обратно. В контексте цифровых коммуникаций по-новому интерпретируются коммуникативные нормы и ритуалы, формируются новые культурные и языковые артефакты, принадлежащие одновременно двум реальностям: физической и цифровой. И в этой связи остро встает вопрос обретения личностью коммуникативной компетентности в условиях глобальной цифровизации как приоритетного и жизненно важного *свойства*.

Коммуникативные особенности современной студенческой молодежи

В условиях глобального распространения цифровых технологий западные социологи предлагают по-новому взглянуть на теорию поколений [8]. Так одним из новых критериев дифференциации поколений предлагают рассмотреть современность личности по отношению к цифровым технологиям. На основании этого критерия обращает на себя внимание разрыв между поколениями «цифровых аборигенов» (тех, кто родился в эпоху массового распространения цифровых технологий) и «цифровых иммигрантов» (тех, кто родился до ее начала). С течением времени границы между этими поколениями размываются благодаря всё большему приобщению обоих поколений к практикам цифровой коммуникации, расширяются возможности для взаимодействия между ними. Культурологи отмечают, что происходит формирование нового феномена – «цифровая мудрость» [9] (как современный аналог «житейской мудрости»), формируемая не в процессе социального и биологического взросления личности, а в процессе освоения бытовых цифровых технологий. «Цифровая мудрость» начинает трактоваться как набор знаний, умений и навыков, которые позволяют личности эффективно и относительно безопасно существовать в цифровом пространстве. При этом такого рода мудрость в равной степени может быть характеристикой представителя любого поколения, вне зависимости от его возраста и собственно социального опыта. Таким образом, объектом теории поколений становится «цифровой человек» как основная единица социальной структуры.

В контексте данной работы для нас наибольший интерес представляет современная студенческая молодежь, как типичный представитель поколения «цифровых аборигенов», обладающая рядом принципиальных особенностей, к числу которых мы относим следующие:

- студенческая молодежь представляет собой первое собственно цифровое поколение – поколение, рожденное в эпоху массовой цифровой коммуникации и воспитанное поколением «цифровых иммигрантов», обладающих разнообразными знаниями и обширным опытом взаимодействия с цифровой средой. В развитии современных студентов отсутствуют «аналоговые» этапы, что позволяет говорить о них как о поколении, в полной мере интегрированном в глобальную цифровую повестку;
- студенческая молодежь обладает обширным опытом использования различных цифровых инструментов и собственной системой интеллектуально-этических критериев, позволяющих им формулировать относительно самостоятельное суждение о важности, этичности, полезности новых цифровых решений;
- студенческая молодежь транслирует более широкий тематический и функциональный запрос к цифровому пространству, чем представители более поздних поколений, в т.ч. запрос на получение релевантных профессиональных знаний и навыков, запрос на построение карьеры;

- студенческая молодежь обладает обширным опытом коммуникативно-цифровой деятельности посредством использования различных цифровых решений (мессенджеры, эл.почта, соц.сети и проч.).

Помимо перечисленных особенностей современная студенческая молодежь демонстрирует проактивную коммуникативную позицию и персональную заинтересованность в обретении желаемого социального и профессионального статуса, что позволяет сделать вывод о том, что цифровое пространство воспринимается не столько как «игровая комната», сколько как пространство неограниченных возможностей для опережающего взросления. В этой связи важным является рассмотрение высшей школы как основного актора формирования у студентов личностно-профессиональных компетенций, обеспечивающих оптимальный уровень соответствия выпускников требованиям рынка труда, среди которых одну из приоритетных позиций занимает коммуникативная компетентность [10].

Под коммуникативной компетентностью мы, вслед за Л. В. Антроповой, будем понимать «сложное социально-психологическое образование, выражающееся в способности человека адекватно оценивать себя, правильно определять ... особенности и эмоциональные состояния партнеров по общению, прогнозировать межличностные события, выбирать и осуществлять адекватные способы общения с окружающими» [11]. Будущий специалист должен обладать не только азами построения общей коммуникации, но и владеть «языком специальности», «языком образования» и, опционально, «языком науки». Только в этом случае результат образования может считаться достигнутым. Способность выпускника состояться на уровне, соответствующем его планам: добиться карьерного роста, занять достойное положение в обществе, реализоваться как личности, - во многом зависит от уровня сформированности коммуникативной компетентности. При этом ряд исследователей отмечает, что уровень владения студентами компетенциями коммуникативной группы недостаточно высок [12–15] и не соответствует требованиям, установленным федеральными образовательными стандартами. К числу основных проблем принято относить «скудость языка», «утрату социальных навыков взаимодействия», «снижение интереса к контексту протекания коммуникации», «отсутствие эмпатии и чувства психологической дистанции», «отсутствие или низкий уровень развития критического и логического мышления». Одним из ключевых факторов утраты навыков коммуникации принято называть цифровую зависимость. Попробуем разобраться в понятии «цифровая зависимость».

Цифровая зависимость как характерная черта современного студента

Термин «цифровая зависимость» вошел в научный дискурс в 2013г.¹, однако однозначное трактование данного понятия отсутствует и в настоящее время: «цифровая зависимость является повсеместным и широко распространенным типом зависимости, вызванным чрезмерным использованием цифровых технологий»², «это навязчивое стремление использовать Интернет, компьютерные игры, смартфон, проведение большого количества времени в Сети, с цифровым устройством»³. При этом, в большинстве источников, цифровая зависимость отождествляется с интернет-зависимостью. Однако при общей схожести, эти понятия не идентичны. Общим для обоих явлений является описание их сути через выработку устойчивой привычки человека (пользователя) в любой жизненной ситуации обращаться к цифровому устройству или разрешать затруднение путем использования цифровых технологий. Цифровая разновидность зависимости, как и любое зависимое состояние, порицается обществом: носитель признаков зависимости маркируется и привлекает к себе повышенное общественное внимание.

В качестве эмпирического обоснования, подтверждающего степень интеграции студенчества в цифровое пространство, будем использовать результаты социологических исследований. первое исследование «Влияние цифровых технологий на студенческую молодежь», проведено автором данной статьи в мае 2022г. (N=1800). Второе исследование «Надпрофессиональные компетенции: запрос студенческой молодежи» проведено при участии автора в рамках реализации комплекса мероприятий Программы «Приоритет 2030» (N=7800) [16].

¹ URL:<http://nypost.com/2016/08/27/its-digital-heroin-how-screens-turn-kids-into-psychotic-junkies/>

² <http://www.youthombudsman.ru/help/6>

³ <http://xn--jlaejf.xn--plai/czifrovaya-zavisimost-i-eyo-priznaki/>

Исследования были проведены в формате online-опросов студенческой аудитории, посредством размещения анкет в личных кабинетах обучающихся. Каждое исследование проходило в период, продолжительность которого не превышала 10 календарных дней, в не каникулярное и не сессионное время. В выборку вошли студенты очной формы обучения в возрасте от 17 до 25 лет, по уровню образования: бакалавры, специалисты и магистры.

Структура выборки коррелирует с данными Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по распределению студентов очной формы обучения по регионам и федеральным округам¹, актуальным на октябрь 2021г.

Обратимся к результатам наших исследований. При ответе на вопрос «Считаете ли Вы себя зависимым от цифрового пространства?» ответы респондентов разделились, однако большинство опрошенных (70%) отмечают у себя признаки зависимости, при этом 41% признают себя «полностью зависимыми», и только 2% – «не зависят от цифровых технологий». Такое распределение ответов позволяет сформулировать две противоречащие друг другу гипотезы: 1. студенческая аудитория настолько глубоко интегрирована в цифровое пространство, что степень влияния этого пространства позволяет говорить о формирующихся признаках объективной зависимости; 2. студенческая аудитория настолько глубоко интегрирована в цифровое пространство, что представители ближайшего окружения приписывают ей признаки зависимости. Ни одна из этих гипотез не может считаться доказанной или полностью опровергнутой, исходя из результатов ответа на первый вопрос, однако в качестве подкрепления второй гипотезы можно использовать ответы на открытый вопрос: «Поясните ответ на предыдущий вопрос?». Обосновывая оценку собственной «зависимости» от цифрового пространства, студенты чаще всего используют следующие аргументы: «автоматически беру телефон, когда он под рукой», «в свободное время часто лажу по соц.сетям», «от интернета зависит моя работа», «боюсь пропустить важные для меня новости», «все сферы жизни сейчас там»². Представленные ответы позволяют говорить скорее о функциональной природе цифрового пространства, которая создает дополнительные возможности для молодежи, чем о патологической зависимости от него.

Наиболее часто для обозначения признаков цифровой зависимости используют следующие признаки:

1. Частота взаимодействия пользователя с цифровыми технологиями

Норма, определяющая оптимальную частоту выхода в цифровое коммуникативное пространство, в научной литературе отсутствует, поэтому мы предложили респондентам шкалу: более 10 раз в день – очень часто – 1 раз в месяц – очень редко. Исходя из такой системы оценок, студенты действительно часто используют возможности цифровой коммуникации – более половины – 65,3% (см. табл. 1) указали, что очень часто «выходят интернет» вне использования программ-мессенджеров, т.е. не с целью непосредственного общения.

Таблица 1 - Распределение респондентов по частоте выхода в интернет (не считая использования мессенджеров), в %

Table 1 – Distribution of respondents by Internet access frequency (not counting the use of messengers), in %

Варианты ответов	кол-во, %
Очень часто (чаще 10 раз в день)	65,3
Часто (от 1 до 10 раз в день)	22,0
Регулярно (несколько раз в неделю)	9,1
Редко (1 раз в неделю)	0,7
Очень редко (1 раз в месяц)	0,4
Использую только мессенджеры	1,7
Иное	0,2
Затрудняюсь ответить	0,5
Не использую интернет	0,2
ИТОГО	100

¹ <https://minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-obrazovatelnykh>

² Здесь и далее приведены ответы респондентов на открытые вопросы анкеты.

Однако тематическая структура таких «выходов» (см. табл.2) позволяет говорить о том, что студенты используют цифровое пространство весьма разнообразно и рационально, соотнося в том числе задачам, которые перед ними ставит система образования. В пятерку наиболее частых целей обращения в цифровое пространство, помимо общения, вошли запросы, связанные с достижением образовательных результатов: «поиск материалов для подготовки научных работ» (68,6%) и «поиск образовательного и просветительского контента» (54,1%). При этом необходимо отметить, что в задачи исследования не входило определение степени интеграции студентов в научное академическое сообщество, поэтому в категорию «научных работ» респондентами могли быть отнесены как научные формы деятельности (подготовка выступлений на конференциях, написание статей), так и условно научные – подготовка докладов и рефератов, написание выпускных квалификационных работ и проч.

Таблица 2 – Распределение респондентов в зависимости от приоритетной цели выхода в интернет (укажите до 3-х вариантов ответа), в %

Table 2 – Distribution of respondents depending on the priority goal of accessing the Internet (specify up to 3 answer options), in %

Варианты ответов	кол-во, %
Общение	91,4
Поиск и просмотр развлекательного контента	76,7
Поиск материалов для подготовки научных работ	68,6
Поиск образовательного и просветительского контента	54,1
Поиск актуальных новостей по интересным темам	49,0
Серфинг по социальным сетям	44,8
Проверка недостоверной информации	34,8
Работа	25,8
Поиск мероприятий для проведения досуга	24,9
Творческая самореализация	15,6
Поиск источников дохода	12,8
Иное	6,0
Не использую интернет	0,3
ИТОГО	100

Из представленных результатов можно сделать вывод о том, что молодежная студенческая аудитория в качестве приоритетной цели «выхода в интернет» указывает «общение» (91,4%). При этом в категорию общение могут быть отнесены как традиционные форматы (звонки, переписка), так и гибридные (обмен текстовыми и голосовыми сообщениями), и сугубо цифровые (выставление лайков и реакций, пересылка мемов и изображений, содержащих, помимо визуальной, текстовую информацию (т.н. демотиваторы), распространение ссылок и иных видов цифровой информации). Поскольку вопрос затрагивал «частоты выхода в сеть», то высокий процент респондентов, указавших категорию «общение» может быть объяснен тем, что в цифровом пространстве общение, равно как и любой другой процесс, может переходить от активной в фоновую фазу и обратно, одинаково комфортно для всех участников взаимодействия.

Необходимо отметить, что общение, в данном случае, молодежью интерпретируется как взаимный обмен сообщениями, диалогичный формат. При этом форматы взаимодействия с цифровой средой, которые можно условно отнести к «монологичным» поисковым или тем, в рамках которых адресатом обращения выступает цифровое пространство – не менее востребованы, но количество таких запросов существенно меньше. Так, ищут развлекательный контент – 76,7% опрошенных, материалы для решения учебных задач – 68,6% и 54,1% (в соответствии с приоритизацией обращения), актуальная новостная повестка интересует лишь 49% опрошенных студентов. Такое соотношение ответов может быть объяснено тем, что цели подобных запросов достигаются, большинством опрошенных, в процессе общения с разнообразными собеседниками, и только в случае неполноты или несоответствия получаемой в диалоге информации, респонденты обращаются к профильным ресурсам. Необходимо отметить, что приведенные данные позволяют также говорить о том, что студенты ориентированы на расширение социального и образовательного кругозора и в большинстве случаев

не ограничиваются легко получаемой информацией. Однако нельзя игнорировать тот факт, что социальный цифровой круг общения студента может им самим восприниматься как несоответствующий его личным целям.

Резюмируя представленные ответы, мы можем сделать вывод о том, что такой признак проявления зависимости как «частота обращений в интернет» может быть применен для диагностики студенческой аудитории лишь отчасти: они (студенты) действительно «постоянно» находятся в сети, но при этом решают достаточно широкий спектр бытовых, образовательных и профессиональных задач. При этом такой характер обращений характеризуется скорее функциональным использованием цифровых технологий, чем состоянием зависимости. Студенческая аудитория не воспринимает цифровое пространство как особое, отдельное пространство – для нее это два проявления одного жизненного пространства: *«в интернете вся жизнь: от учебы и работы до досуговых мероприятий, так что я отношусь к этому уже как объективной реальности»*. Не менее важным является также и то, что молодежь не противопоставляет «цифру» и «аналоговые форматы»: *«в 22 году интернет это, что-то обыденное», «Интернет прочно "засел" в жизни практически любого человека»*. Технология представляет собой объективный и на современном этапе развития общества жизненно необходимый результат развития цивилизации, оспаривание этого факта вызывает у молодежной аудитории ожидаемое непонимание: *«сейчас век мировых технологий и коммуникаций. Игнорирование такого способа получения информации, я считаю, глупостью. Но было бы интересно посмотреть, как люди отреагируют на отключение интернета, так как многие ещё помнят времена, когда это было в порядке вещей, когда телефон не был необходимым атрибутом существования»*. Отказ от технологии фатален, равнозначен деградации: *«нельзя откатываться в Средневековье и лишать людей мировой сети для связи», «мы просто откатимся в прошлый век. Кто бы что не говорил какое прекрасное было образование в СССР и без интернета! Ну и что? А что делать тем, кто уже получил образование? А как раньше люди жили без горячей воды в доме, а раньше без машин жили, и без собственных прав в крепостное время и ничего, жили ведь. Это будет просто ужасно – если Россию отключат от Интернета»*. При этом последствия носят односторонний характер: *«если отключат Россию от интернета, это будет забавно, мы вернемся к телефонным коммуникациям ... Либо сразу к почтовым голубям», «мы вернемся в каменный век. Где будем ограничены от всего мира»*. Молодежь, рассматривающая мировое сообщество как глобальную общность, объединенную едиными интересами, целями и ценностями, в случае введения ограничений на использование цифровых технологий в нашей стране склонна прогнозировать негативные последствия для себя и своего окружения: *«ни о каком развитии страны и личности говорить не приходится», «мы потеряем возможность получать информацию от мира, отстанем от них [других стран] на десятилетия», «жить будем как в 70-х годах XX века – еще телефонами внутренними пользоваться начнем»*, однако не допускает мысли о том, что мировое сообщество тоже пострадает в информационном и технологическом плане.

Такие суждения респондентов позволяют сделать вывод о том, что студенческая молодежь интуитивно сформулировала принцип функционирования глобального информационного сообщества: в случае возникновения информационной лакуны в результате отключения или ограничения доступа к телекоммуникационным технологиям, образовавшаяся пустота будет заполнена иными информационными поводами. Глобальное сообщество компенсирует разрыв информационных связей образованием сети новых, в то время как «отверженное» сообщество будет испытывать информационный голод и стремиться компенсировать его путем разработки новых технологических решений.

2. Продолжительность взаимодействия пользователя с цифровыми технологиями

Норма продолжительности взаимодействия пользователя с цифровым пространством является объектом внимания преимущественно психологов и нейрофизиологов, которые рассматривают это взаимодействие как фактор влияния на глубинные изменения мозга современного человека. При этом единого мнения о базовой величине такой нормы в настоящее время нет. В ответах респондентов на вопрос о проявлениях цифровой зависимости наиболее часто встречаются суждения такого характера: *«я очень много сижу в интернете, больше, чем нормально», «больше нормы...но там моя жизнь, я иначе не могу», «сложно сказать сколько, но много. Больше часа в день это точно»* и прочие. Такие ответы давали как студенты, указавшие, что являются зависимыми от цифрового пространства, так и те, кто зависимым себя не считает. Мы предложили респондентам посчитать, какое количество времени они тратят на удовлетворение различных тематических запросов и получили следующие результаты (см. рис. 1).

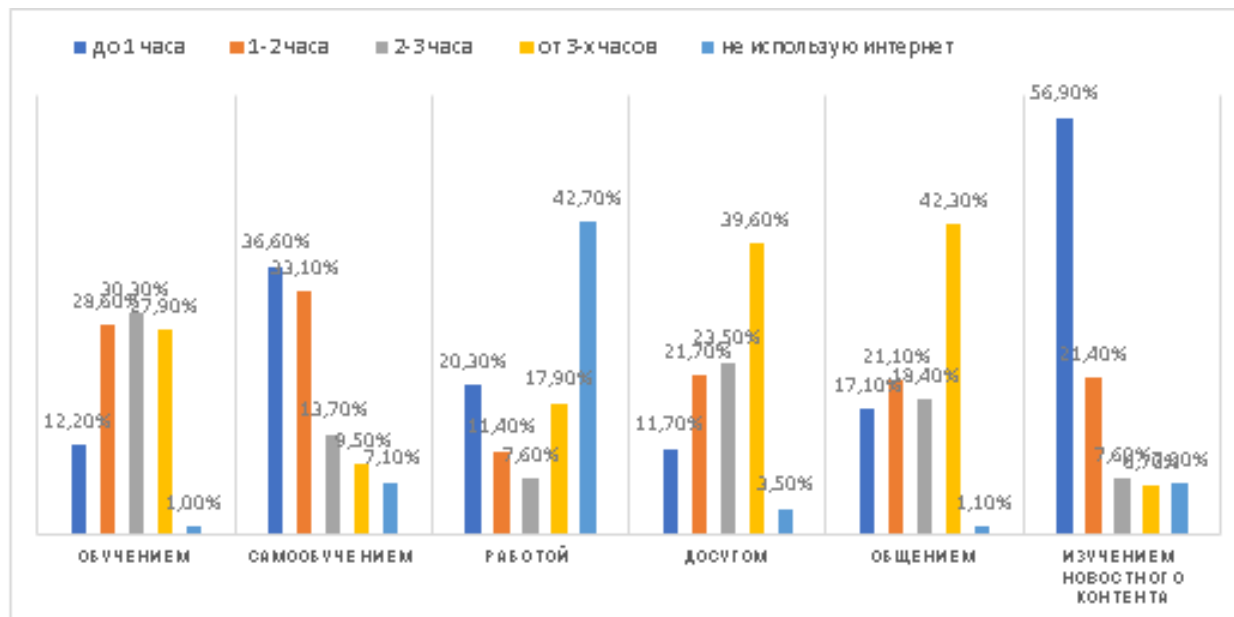

Рис. 1 – Распределение респондентов по времени нахождения в цифровом пространстве в зависимости от цели обращения, в %

Fig. 1 – Distribution of respondents by time spent in the digital space, depending on the purpose of the appeal, in %

При изучении новостного контента и погружения в общеполитический контекст для студентов характерны поверхностное ознакомление с материалом без изучения дополнительных источников (около половины респондентов (56,9%) уделяют этой коммуникативной задаче суммарно менее 1 часа в день). Более половины респондентов постоянно работают или имеют временную подработку в сети (57,3%), среднее время, затрачиваемое на выполнение рабочих задач, составляет чуть менее 2-х часов ежедневно. С целью расширения образовательного кругозора и восполнения лакун, связанных с получением образования, характерно равномерное распределение респондентов по шкале от «1-2» до «более 3-х» часов, при этом интенсивность работы с цифровыми ресурсами значительно возрастает в сессионный период и период подготовки выпускных квалификационных работ. В сегменте запросов на самообучение респонденты продемонстрировали склонность к быстрому потреблению контента – более половины опрошенных уделяют самообразованию не более 2-х часов в день (69,7%).

Наибольшее количество времени (более 3-х часов) студенты тратят на общение (42,3%) и цифровой досуг (39,6%), объясняя это тем, что «я же не в кино сижу, пока идет фильм, я ем, мою посуду, подкасты слушаю, когда с собакой гуляю», «я же не прям три часа сижу: напишут – прочитаю, отвечу, не напишут – ну и ладно», «вообще не вижу разницы: я могу и в игрушку играть, и в чате отвечать. И получается, сколько отдыхаю, столько и общаюсь». И здесь мы вновь возвращаемся к вопросу о протекании цифровых коммуникативных процессов в фоновом режиме, когда пользователь как бы «переключается» между разными собеседниками и источниками информации, не останавливая ни один из процессов, но и не приоритезируя их; переключение происходит посредством считывания «ключевых символов»: слов, звуков, контекстов и настраивается пользователем индивидуально.

Дополнительно респондентам был задан вопрос «Сколько времени в сети Вы проводите ежедневно для удовлетворения своих личных интересов (чтение книг, просмотр фильмов, прослушивание музыки, личное творчество и проч.)?». Ответы на этот вопрос показали, что только половина респондентов использует цифровые технологии для своих личных целей более 2-х часов в день (см. рис. 2). При этом, если обратиться к ответам на предыдущий вопрос, и в качестве личных целей рассматривать «общение» и «досуг», то такой ответ должны были дать более 60% опрошенных. Отсюда мы делаем вывод о том, что личные интересы студентов, удовлетворяемые посредством использования цифровых технологий, значительно шире.

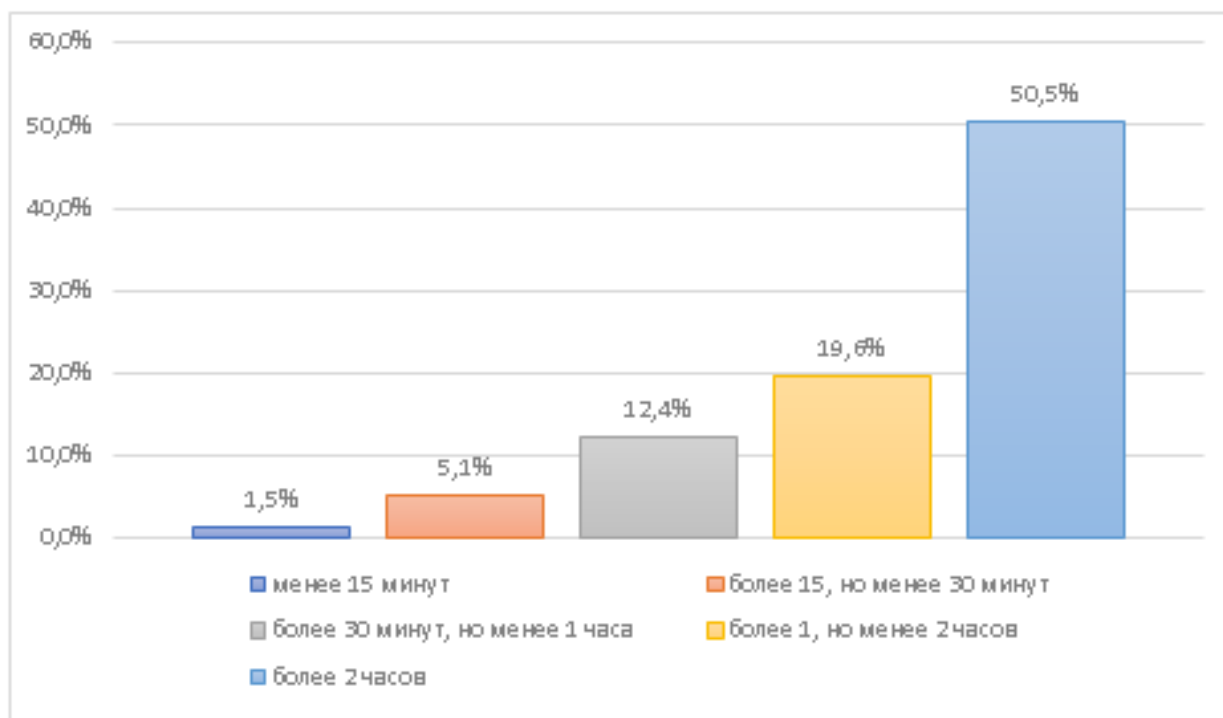

Рис. 2. Распределение респондентов по времени, затрачиваемому ежедневно на удовлетворение «личных интересов» (чтение книг, просмотр фильмов, прослушивание музыки, личное творчество и проч.), в %

Fig. 2. Distribution of respondents by time spent daily on satisfying "personal interests" (reading books, watching movies, listening to music, personal creativity, etc.), in %

Продолжительность нахождения в сети напрямую коррелирует с количеством ресурсов, к которым обращается пользователь. Поскольку основной целью нашего исследования являлось определение коммуникативных особенностей современных студентов, мы задали респондентам серию вопросов об использовании ими программ-мессенджеров, как наиболее актуальной коммуникативной технологии.

Так, на вопрос о количестве личных и групповых чатов, которые пользователь-студент поддерживает постоянно, мы получили ответ, что у абсолютного большинства респондентов (71,1% в случае определения оптимального числа личных чатов и 56,5% – для групповых чатов) число таких каналов не превышает десяти. Каждый пятый пользователь имеет до 20-ти групповых чатов (каналов).

На продолжительность взаимодействия с цифровой средой оказывает влияние и привычная для пользователя частота обновления новостной ленты (см. рис. 3).

Из представленной диаграммы видно, что наиболее часто встречаемыми практиками является «реагирование на каждое уведомление» (35,7%) и «проверка пару раз в день» (22,9%). Студенты в целом демонстрируют потребность поддержания достаточно высокого уровня осведомленности о происходящем в информационном пространстве, в тех тематических сегментах, которые представляют для них интерес, однако при наличии иного объекта ... готовы значительно снизить степень оперативности ознакомления с актуальными изменениями: «вообще я часто в интернете сижу, но, когда я с друзьями или отдыхаю, там, с семьей, могу несколько дней не читать новости – и нормально, вообще не страдаю», «провести день без интернета вообще не проблема, потом прочитаю», «без связи плохо, хочется сразу посмотреть, что там без меня происходит. Но недавно несколько дней без телефона пробыл – даже руки не тянулись, нормально отдохнул».

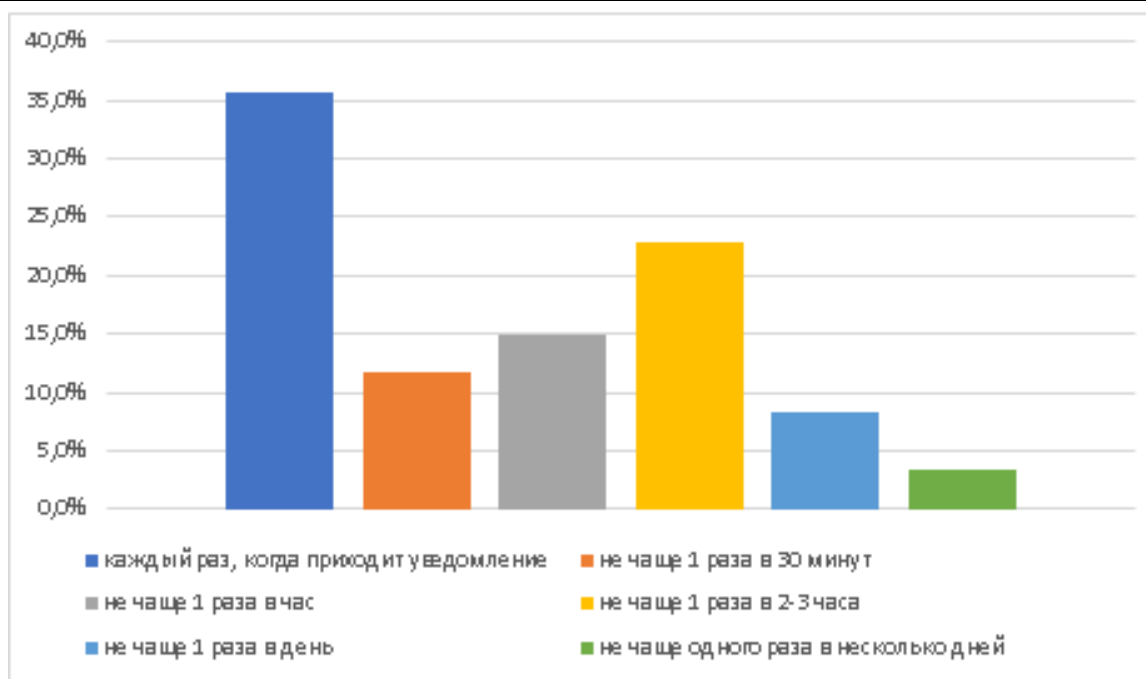

Рис. 3. Распределение респондентов по частоте проверки обновлений в групповых чатах/каналах, в %

Fig. 3. Distribution of respondents by frequency of checking for updates in group chats/channels, in %

Подводя итог по данному признаку выявления цифровой зависимости, можно сделать вывод о том, что для студенческой молодежи действительно характерно продолжительное (от 3-х часов в день суммарно) нахождение в цифровом информационном пространстве.

Студенческая аудитория дифференцированно подходит к использованию различных коммуникативных каналов при установлении продолжительных связей с различными группами окружения (см. рис.4), что приводит к профилизации коммуникативных каналов. Так, для общения с членами семьи (55,7%) и преподавателями (52,5%) более половины студентов предпочитают личное взаимодействие, без использования «цифровых посредников». При этом необходимо оговорить, что среди опрошенных более трети (43,1%) обучаются не на территории постоянного проживания, т.е. непосредственное частое очное взаимодействие с семьей для них затруднительно. Однако этот факт не приводит к замещению приоритетного способа взаимодействия, это позволяет, в свою очередь, говорить о том, что ценность непосредственного внутрисемейного общения с представителями разных поколений является для студентов значимой социальной ценностью. Такой формат коммуникации лишен повышенных скоростей распространения информации, эмоционально окрашен, протекает преимущественно в привычной с детства среде, что позволяет избежать контекстуальных и дискурсивных разрывов при передаче значимой информации.

Каналом взаимодействия с друзьями (40,7%) и одноклассниками (36,4%) – представителями того же поколения, что и респонденты¹ выступают мессенджеры – как комбинированное цифровое решение, объединяющее свойства телефона, телеграфа и программных решений для обмена фото и видео-файлами. Для данного канала характерны высокая скорость обмена сообщениями, их краткость, преимущественная обильность использования (интеграция на всех мобильных устройствах), легкость смены формата сообщения (текст, фото, видео, аудио), простота использования для коммуникантов, обладающих базовыми цифровыми навыками, возможность создания как личных, так и групповых чатов. Такой канал полностью соответствует базовому запросу молодежи на мобильность, оперативность, комбинаторность коммуникативного решения.

¹ Здесь мы рассматриваем молодежь в возрасте 17-25 лет в гендерной совокупности, не выделяя среди нее студентов и молодежь, не получающую высшее образование, но непосредственно взаимодействующую с нашими респондентами.

Из общей коммуникативной модели студента как субъекта ориентированного на бесконечное расширение коммуникативного сегмента личного социального пространства существенно выбивается формат и глубина взаимодействия с такой социальной группой как «соседи»¹.

Для студентов в равной степени характерны как стратегия избегания какого-либо контакта с соседями (39,1%), так и непосредственного очного взаимодействия (38,6%), что позволяет сделать вывод о том, что для студентов вопросы организации общего жизненного пространства с людьми, не входящими в их близкий круг, представляются не значимыми в общем наборе решаемых вопросов. Для студентов характерна незначительная степень интеграции с данную сферу.

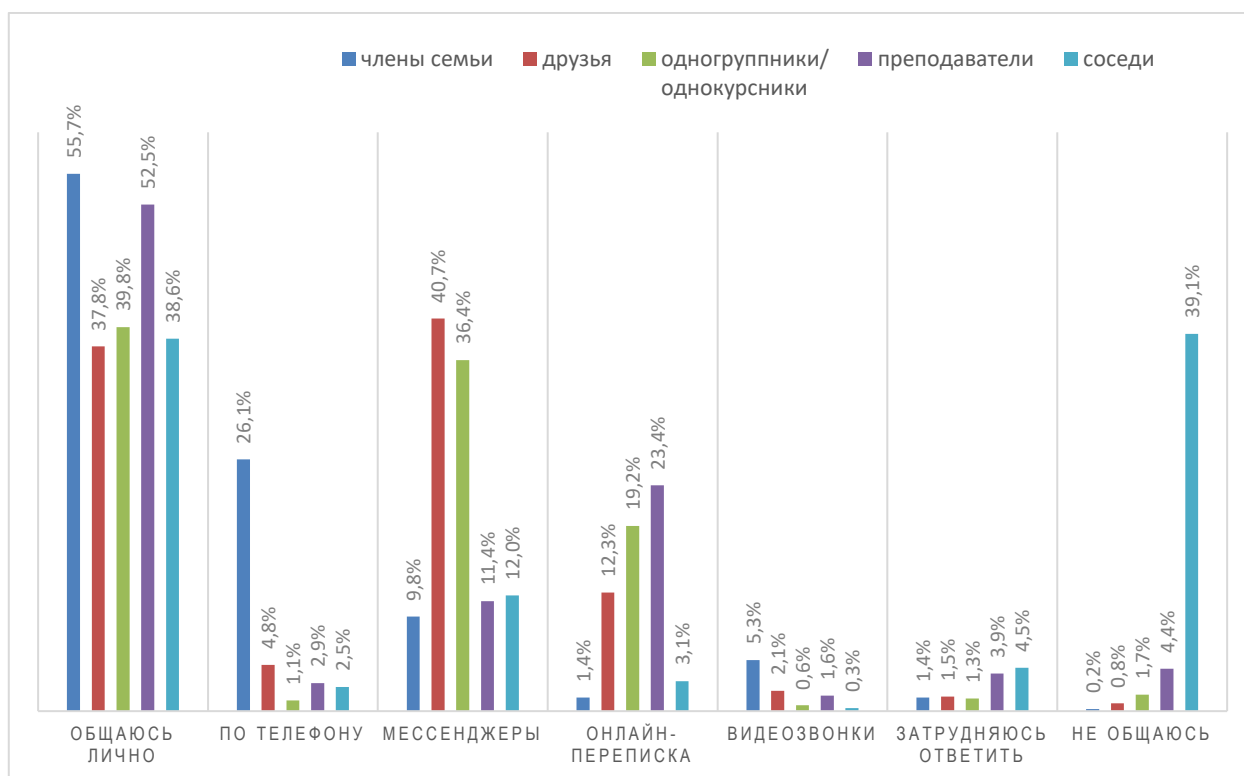

Рис. 4. Распределение респондентов в соответствии с предпочтительным каналом коммуникации с различными группами коммуникаторов, в %
 Fig. 4. Distribution of respondents according to the preferred channel of communication with different groups of communicators, in %

Представленные результаты позволяют говорить о том, что студенты придерживаются разнообразия в вопросах выбора коммуникативных каналов и моделей взаимодействия с различными социальными группами. При этом личное общение остается для них наиболее предпочтительным форматом, а выбор цифровых каналов определяется, в не меньшей степени, чем личным удобством, комфортностью использования выбранного канала для непосредственного адресата. Студенты демонстрируют пластичность и готовность учитывать особенности адресата. Использование разнообразных каналов, на наш взгляд, не является признаком зависимости уже только потому, что расширение линейки форматов и каналов не приводит к доминированию сугубо цифровой коммуникации над «аналоговой».

¹ В категорию «соседи» были отнесены как разновозрастные личности, проживающие с респондентами в месте их постоянного проживания, так и соседи-ровесники, проживающие с ними временно на период обучения (общежитие, съемная квартира и проч.), и объединенные с ними общими проблемами бытового характера.

3. Эмоциональная зависимость от цифровой коммуникации

Одним из ключевых психологических признаков любого рода зависимости является установление сильных эмоциональных связей между субъектом зависимости и ее объектом. В рамках проведенных исследований респондентам был задан вопрос, направленный на выявление степени и характера установившихся эмоциональных связей с цифровыми адресатами (см. рис. 5). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что признак эмоциональной зависимости является наиболее ярко выраженным из всех, описанных в данной статье. При ответе на вопрос «Какие эмоции Вы испытываете при мысли, что Россию отключат от сети интернет?» респонденты продемонстрировали высокую степень беспокойства (48,4%) – «и что я делать-то буду, это меня волнует и вообще всех должно волновать», раздражение (32,7%) – «почему я должен страдать? Как же бесит! И где все эти умники, которые должны обеспечить нас независимыми ресурсами?» и злости (30,2%) – «я злюсь! У меня в сети половина жизни завязана, а мне что потом делать – кто-то поможет?!» и совершенно не склонны испытывать позитивных эмоций, или хотя бы демонстрировать взвешенные реакции.

Ответы на открытый поясняющий вопрос, приведенные выше, демонстрируют глубокую связь с информационно-коммуникативным наполнением личного цифрового пространства каждого респондента, выстроенной на беспрепятственном, быстром и практически неограниченном доступе к цифровым коммуникативным технологиям – отказ от цифровых технологий вызывает недоумение и злость уже потому, что в этом случае будут прерваны привычные самостоятельно налаженные коммуникативные связи. При этом необходимо акцентировать внимание на том, что для студенческой аудитории доступ к цифровым технологиям был обеспечен с раннего возраста и стал для нее идентичен базовым жизнеподдерживающим ресурсам. Сформированное личное цифровое пространство студент склонен воспринимать и оценивать как результат собственной социальной деятельности посредством использования доступных и гарантированных ресурсов и возможностей, обеспеченных ему уровнем развития общества и технологий. И в силу глубины интеграции и разнообразия используемых каналов цифровой коммуникации и получаемой по этим каналам информации, этот результат им [студентом] оценивается как более значимый, чем результат, достигнутый в традиционном социальном пространстве. В этом случае мы можем говорить не о зависимости от цифрового пространства или цифровых технологий, а о зависимости от накопленного личного цифрового контента, который студенты склонны одинаково использовать как в цифровом пространстве, так и в «аналоговом».

Цифровое пространство, интерпретируемое студентами преимущественно как коммуникативно-информационное, представляет собой основу для обретения ими релевантного социального опыта, как общесоциального, так и профессионального.

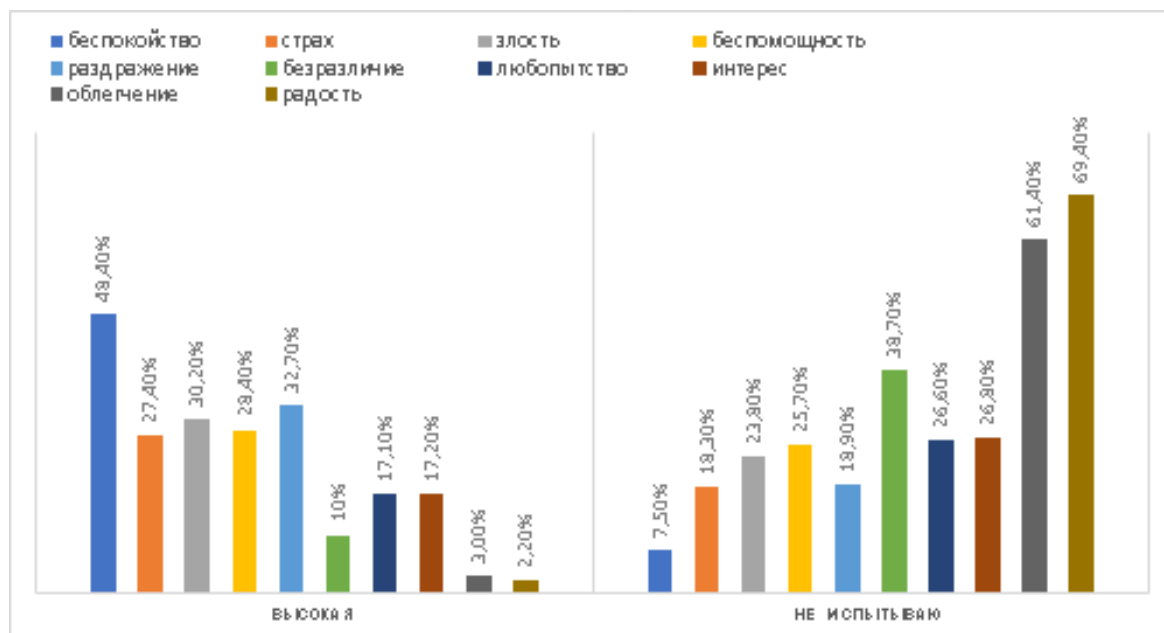

Рис. 5. Распределение респондентов в соответствии со степенью проявленности эмоций при оценке вероятности «отключения» России от сети интернет, в %

Fig. 5. Distribution of respondents according to the degree of manifestation of emotions when assessing the probability of "disconnecting" Russia from the Internet, in %

Еще одним, в контексте данной работы, скорее косвенным признаком цифровой зависимости, о котором необходимо упомянуть, является **неизбежная деградация коммуникативной модели личности**, выражающаяся преимущественно в отказе от применения в цифровом пространстве норм и правил построения грамматически, стилистически и содержательно правильного текста, что преимущественно выражается в упрощении языковых структур, упрощении и сокращении активного лексического запаса, снижении барьеров установления коммуникации, неизбирательности в вопросах выбора адресата, необоснованного использования общенной лексики и проч. Данный признак лежит преимущественно в области научного интереса филологов. Однако изменения такого рода способны существенно повлиять на различные аспекты социальных взаимодействий членов общества и спровоцировать возникновение социально-коммуникативных конфликтов. В контексте изучения процесса обретения коммуникативной компетентности студентами в цифровом пространстве, мы хотели бы рассмотреть данный признак для определения уровня потенциальной конфликтности таких изменений в коммуникативной модели студента.

Рассмотрим категорию «аграмматичность языка». Представленные ниже результаты позволяют говорить о том, что для студентов не характерно демонстративное нарушение правил, норм и требований русского языка как языка основной коммуникации (см. рис. 6). Так, только 1 из 10 опрошенных студентов не следит за своей речью и позволяет себе необоснованное использование нецензурной лексики в цифровой коммуникации.

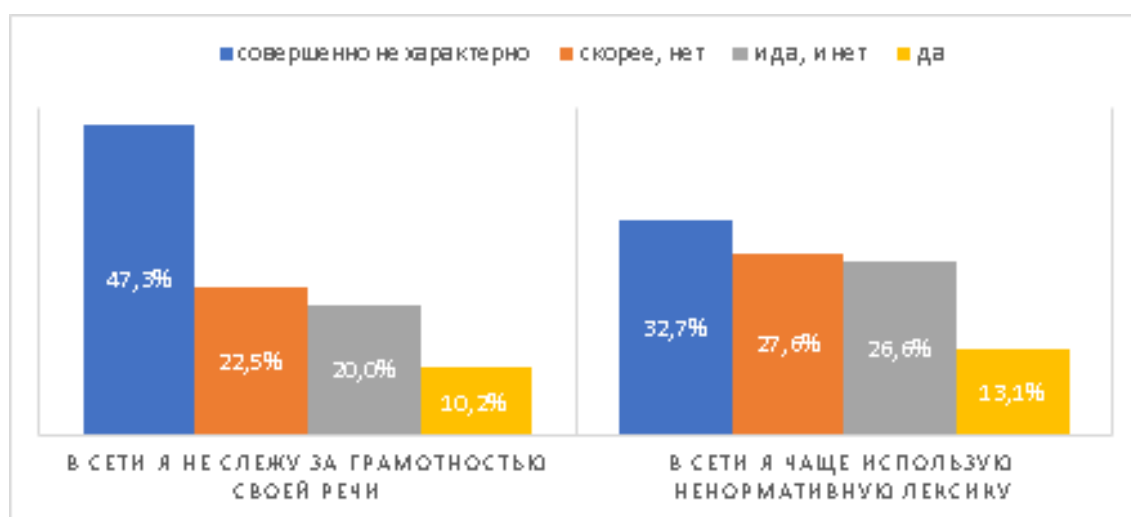

Рис. 6. Распределение респондентов в соответствии с согласием с приведенными суждениями, в %

Fig. 6. Distribution of respondents in accordance with the agreement with the above judgments, in %

Можно допустить, что студенты склонны оценивать себя и свои усилия по выстраиванию репутационной коммуникации существенно выше, чем это есть в действительности. Однако, аграмматичность предполагает не только нарушение норм грамматики самим субъектом, но и снижение требований к языку его респондентов (см. табл. 3). Половина опрошенных (52,8%) указала «грамотную письменную речь» как преимущество коммуниканта при вступлении с ним в первичный акт цифровой коммуникации, что является более значимым основанием, чем такой социально-значимый признак как «наличие общих знакомых» (47,9%).

Таблица 3 – Распределение респондентов в соответствии с приоритетными условиями для начала общения в сети с незнакомым человеком, в %

Table 3 – Distribution of respondents according to the priority conditions for starting online communication with a stranger, in %

Варианты ответов	кол-во, %
Грамотная письменная речь	52,8
Наличие общих знакомых (в реальном мире)	47,9
Ненавязчивость	41,5
Заполненность аккаунта в социальных сетях	33,0

Продолжение табл. 3

Continuation of table 3

Внешняя привлекательность (аватар, фото на странице и проч.)	32,1
Отзывы общих знакомых (если они есть)	25,1
Наличие общих знакомых (в сети интернет)	23,0
Оригинальность сообщений	22,6
Содержание записей пользователя, размещенных в социальных сетях (включая комментарии и репосты)	21,4
Никогда не общаюсь в сети с незнакомыми людьми	15,7
Это рабочий контакт	13,6
Простота поиска информации о пользователе в открытых источниках	11,8
Наличие общих подписок	9,5
Членство в одних сообществах	7,6
Иное	5,1
Затрудняюсь ответить	7,5

Заключение

Подводя итог, мы можем сделать ряд выводов, позволяющих скорректировать модель формирования у студентов коммуникативных навыков в результате использования цифровых технологий.

1. Для студентов нет различий между цифровым и традиционным коммуникативными пространствами, им одинаково комфортно выстраивать как цифровую, так традиционную коммуникацию. Однако массив цифровых связей, образующих индивидуальное коммуникативное пространство студента, количественно больше и обладает для студента существенно более высоким значением, чем традиционные коммуникативные связи. Такое распределение приоритетов позволяет говорить о том, что развитие коммуникативных компетенций должно протекать одновременно с развитием цифровым, где цифровые рассматриваются как обеспечивающие по отношению к коммуникативным. В этом случае правильнее будет говорить не о коммуникативных, а о коммуникативно-цифровых компетенциях, а равно о коммуникативно-цифровой компетентности студента как о желаемом результате образовательного процесса.

2. Студентам свойственно приписывать себе признаки цифровой зависимости под влиянием мнения представителей иных поколений, входящих в близкое и профессиональное окружение. Студенты глубоко интегрированы в цифровое пространство и обладают способностью пластично комбинировать различные цифровые и традиционные форматы и каналы для ускорения процесса накопления цифрового коммуникативного опыта. Однако разнообразие применяемых ими методов и технологий, равно как и разнообразие тематических и целевых обращений в цифровое пространство не позволяют сделать однозначные выводы о зависимости как о характеристике, маркирующей деградацию социальной личности. Студенты органично переносят часть рутинных бытовых и образовательных задач в цифровое пространство с целью повышения интенсификации и оптимизации коммуникативных потоков, что позволяет говорить скорее о функциональном отношении к цифровому пространству, чем о патологической зависимости.

3. Студенты испытывают сильную эмоциональную связь с отдельными категориями цифрового пространства. Использование цифровых технологий является для студенческой аудитории утилитарной бытовой практикой, лишенной ритуализированности, в отличие от представителей более старших поколений. Обращение к «сети» происходит опционально и направлено на сиюминутное удовлетворение возникшей потребности. Вероятность оказаться изолированным от технологий рассматривается студентами как недопустимое ограничение, вмешательство в их жизнь, которое приведет к существенному ухудшению их социального, а равно – коммуникативного статуса. Не имея, в большинстве случаев, достаточного количества объективных материальных результатов собственной деятельности (деньги, дорогостоящие покупки, произведенные товары и проч.), студентам свойственно замещать эти объекты достигнутыми коммуникативно-цифровыми результатами. Таким образом, студентами демонстрируется скорее зависимость от контента, получаемого и накапливаемого посредством использования технологий, чем от технологий непосредственно.

4. Студенты высоко оценивают образовательный потенциал цифровых ресурсов и склонны использовать их не только для достижения формальных образовательных результатов, но и для самообучения. Что позволяет говорить о высоком потенциале использования цифровых продуктов, ресурсов и платформ при организации учебного процесса в вузе.

Список источников

1. Теория поколений в российском менеджменте. Лучшие практики управления разновозрастными командами: подбор, обучение, мотивация: монография. М.: РУСАЙНС, 2018. 186 с.
2. Гибсон У. Нейромант (трилогия «Киберпространство»). М.: Азбука-Аттикус, 2015. 540 с.
3. Белинская Е., Жичкина А. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 165 с.
4. Бондаренко С. Ф. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов н/Д., 2004. 171 с.
5. Соколов А. В. Общая теория коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова, 2002. 460 с.
6. Блюменау Д. И. Информация и информационный сервис. М.: Наука, 1989. 188 с.
7. Соколова Н. Л. Цифровая культура или культура в цифровую эпоху // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3. С. 6–9.
8. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Пырма Р. В., Синяков А. В., Азаров А. А. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования // Мониторинг. 2019. № 1 (149). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-kommunikatsiy-na-formirovanie-professionalnoy-kultury-rossiyskoy-molodezhi-rezultaty-kompleksnogo-prikladnogo> (дата обращения: 15.08.2024).
9. Пошехонова В. А. Образовательная гуманитарная технология цифрового поколения // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-gumanitarnaya-tehnologiya-tsifrovogo-pokoleniya> (дата обращения: 19.08.2024).
10. Киреева О. Ф., Шарков Ф. И. Новые цифровые технологии в профессиональной коммуникации // Коммуникология: электронный научный журнал. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tsifrovye-tehnologii-v-professionalnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 18.08.2024).
11. Антропова Л. В. Коммуникативная компетентность студента как объект формирования в процессе профессиональной подготовки в вузе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-studenta-kak-obekt-formirovaniya-v-protseste-professionalnoy-podgotovki-v-vuze> (дата обращения: 18.08.2024).
12. Толстикова И. И., Игнатъева О. А., Кондратенко К. С., Плетнев А. В. Коммуникативные компетенции поколения z и выбор формата обучения в контексте цифровизации // International Journal of Open Information Technologies. 2022. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnyye-kompetentsii-pokoleniya-z-i-vybor-formata-obucheniya-v-kontekste-tsifrovizatsii> (дата обращения: 18.08.2024).
13. Стурикова М. В. Коммуникативная компетенция и ее развитие у студентов вуза в условиях преемственности образования: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2020. 164 с.
14. Зубок Ю. А., Чанкова Е. В. Динамика ценностей общения в коммуникативном пространстве молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. №1 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-tsennostey-obshcheniya-v-kommunikativnom-prostranstve-molodezhi> (дата обращения: 18.08.2024).
15. Петрова С. И., Борисова У. С. Анализ коммуникативной компетентности современных студентов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kommunikativnoy-kompetentnosti-sovremennyh-studentov> (дата обращения: 18.08.2024).
16. Газиева И. А., Бурашникова А. А. «Надпрофессиональные компетенции: запрос студенческой молодежи» (тип – база данных). Номер свидетельства: RU 2023621052. Патентное ведомство: Россия. Год публикации: 2023. Номер заявки: 2023620650. Дата регистрации: 15.03.2023. Дата публикации: 30.03.2023. Объем: 9,91 МБ.

References

1. *The theory of generations in Russian management. The best practices of managing teams of different ages: recruitment, training, motivation*: monograph. Moscow: RUSAINS; 2018. 186 p. (In Russ.).
2. Gibson W. *Neuromancer (trilogy "Cyberspace")*. Moscow: ABC-Atticus; 2015. 540 p. (In Russ.).
3. Belinskaya E., Zhichkina A. *Modern studies of virtual communication: problems, hypotheses, results*. Moscow: UNITA-DANA; 2004. 165 p. (In Russ.).

4. Bondarenko S. F. *The social structure of virtual network communities*. Rostov-on-Don; 2004. 171 p. (In Russ.).
5. Sokolov A. V. *General theory of communication*. St. Petersburg: Mikhailov Publishing House; 2002. 460 p. (In Russ.).
6. Blumenau D. I. *Information and information service*. Moscow: Nauka; 1989. 188 p. (In Russ.).
7. Sokolova N. L. Digital culture or culture in the digital age. *International Journal of Cultural Studies*. 2012;(3):6–9. (In Russ.).
8. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V., Sinyakov A. V., Azarov A. A. The influence of digital communications on the formation of professional culture of Russian youth: the results of a comprehensive applied research. *Monitoring*. 2019;1(149). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-kommunikatsiy-na-formirovanie-professionalnoy-kultury-rossiyskoy-molodezhi-rezultaty-kompleksnogo-prikladnogo> [Accessed 15 August 2024]. (In Russ.).
9. Poshekhonova V. A. Educational humanitarian technology of the digital generation. *Pedagogical education in Russia*. 2018;(5). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-gumanitarnaya-tehnologiya-tsifrovogo-pokoleniya> [Accessed 19 August 2024]. (In Russ.).
10. Kireeva O. F., Sharkov F. I. New digital technologies in professional communication. *Communicology: electronic scientific journal*. 2021;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tsifrovyie-tehnologii-v-professionalnoy-kommunikatsii> [Accessed 18 August 2024]. (In Russ.).
11. Antropova L. V. Communicative competence of a student as an object of formation in the process of professional training at a university. *Bulletin of Cherepovets State University*. 2010;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-studenta-kak-obekt-formirovaniya-v-protsesse-professionalnoy-podgotovki-v-vuze> [Accessed 18 August 2024]. (In Russ.).
12. Tolstikova I. I., Ignatieva O. A., Kondratenka K. S., Pletnev A. V. Communicative competencies of generation Z and the choice of a learning format in the context of digitalization. *International Journal of Open Information Technologies*. 2022;(11). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-kompetentsii-pokoleniya-z-i-vybor-formata-obucheniya-v-kontekste-tsifrovizatsii> [Accessed 18 August 2024]. (In Russ.).
13. Sturikova M. V. *Communicative competence and its development among university students in the context of continuity of education*: monograph. Yekaterinburg; 2020. 164 p. (In Russ.).
14. Zubok Yu. A., Chankova E. V. Dynamics of communication values in the communicative space of youth. *University proceedings. Volga region. Social sciences*. 2022;1(61). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-tsennostey-obscheniya-v-kommunikativnom-prostranstve-molodezhi> [Accessed 18 August 2024]. (In Russ.).
15. Petrova S. I., Borisova U. S. Analysis of the communicative competence of modern students. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2022;(12). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-kommunikativnoy-kompetentnosti-sovremennyh-studentov> [Accessed 18 August 2024]. (In Russ.).
16. Gazieva I. A., Burashnikova A. A. *"Supra-professional competencies: student youth request"* (type – database) Certificate number: RU 2023621052. Patent Office: Russia. Year of publication: 2023. Application number: 2023620650. Registration date: 03/15/2023. Date of publication: 30.03.2023. Volume: 9.91 MB. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Бурашникова – директор программ Центра «Школа андрагогики и образовательного дизайна» Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС.

Information about the author

A. A. Burashnikova – Director of Programm of the Center «School of Andragogy and Educational Design» of the Institute «Graduate School of Public Management» of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.10.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 20.11.2024.

The article was submitted 17.10.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 20.11.2024.